

КОГДА читаешь книги Николая Задорнова, то невольно думаешь, что прежде чем стать писателем, он был историком. «Так ли это?» — поинтересовался я при нашей встрече. Однозначно ответить на этот вопрос Николай Павлович затруднился.

— В тридцать седьмом году, — сказал он, — я приехал в легендарный Комсомольск-на-Амуре, там работал заведующим литературной частью театра... На моих глазах на месте глухого селения Пермского выросал современный город. Этот город строила молодежь. Но вот о прошлом края молодые парни и девушки знали очень и очень мало. А им так хотелось узнать, откуда все взялось, кто первым пришел на берега Амура, начал осваивать дальневосточную землю. Литературное объединение Комсомольска, решив издать сборник об истории города юности, поручило мне написать очерк о Пермском.

Поиски материала увеличили меня к шестидесяти годам прошлого столетия, когда русские крестьяне пришли на Дальний Восток. В Комсомольске в пору моей юности еще жили участники переселения, пришедшие на Амур детьми. Память их хранила интересные сведения о прошлом. Конечно, переселение крестьян на Дальний Восток, происходившее в девятнадцатом веке, было явлением прогрессивным. Постепенно совершался новый исторический поворот, народ выходил к океану. Крестьянин на Дальнем Востоке к тому времени становился более независимым человеком, чем на старых местах. Он попадал в новые условия — вышел к свободным землям, к таежным богатствам, начал осваиваться на новоселье. Происходило формирование личности в новых условиях. Тут для меня как бы существовала и параллель с развитием личности строителя Комсомольска.

Я писал, как пришли на Амур русские люди, как они увидели реку, лес, стали обживать, строить дома, вспахивать землю, справлять первые свадьбы. Для работы над романом «Амур-батюшка» я пользовался в основном устными рассказами старожилов Приамурья и коренных жителей края нанайцев, с предками которых русские крестьяне быстро нашли общий язык и подружились. Перед войной была опубликована первая книга романа «Амур-батюшка».

— Этот роман стал фактически началом вашей многолетней эпопеи об историческом подвиге русского народа на Дальнем Востоке. В какой же последовательности нужно читать книги эпопеи?

— После «Амура-батюшки» вышел мой роман «Далекый край» — о жизни нанайцев-гольдов первой половины XIX века. Ведь собирая материалы о переселенцах, я встречался с нанайцами, узнавал их жизнь, историю, быт, и все это потребовало от меня написать отдельную книгу. Работал я над обеими книгами одновременно.

«Далекый край» — не продолжение «Амура-батюшки». Продолжение появилось чуть

таж, где бывали Путятин и его моряки и сейчас чтут память русского адмирала и после. высоко оценивают его миролюбивые экспедиции, положившие начало мирным отношениям двух соседних стран. Первые две книги «Цунами» и «Симода» вышли в Японии на японском языке. В предисловии к «Цунами» издатель сообщает, что в 60-х годах прошлого столетия в Японии был учрежден орден

ЧИТАТЕЛЬ ПРОСИТ РАССКАЗАТЬ

ДАЛЕКИЕ КРАЯ НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЕМ

ли не через четверть века, это роман «Золотая лихорадка» — о Приамурье в условиях развитого капитализма. «Далекый край» же стал для меня подступом к очень большой и интересной теме истории воссоединения Приамурья с Россией, работая над которой, я написал впоследствии романы «Первое открытие», «Капитан Невельской» и «Война за океан». Все эти книги вошли в мое шеститомное собрание сочинений, выпущенное издательством «Художественная литература» в 1977—1979 годах. Если читать книги эти по ходу описанных в них исторических событий, то начинать надо с романа «Далекый край», это как бы начало начал. Потом три упомянутых романа об открытиях Невельского и других моряков. А уж потом происходило освоение края. Об этом «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка».

— «Урожайный» выдался для вас год восьмидесятый. В издательстве «Советский писатель» вышла ваша новая трилогия — романы «Цунами», «Симода», «Хэда». В них вы уже сосредоточиваете свое внимание на вопросах международной политики. Чем был обусловлен переход к новой теме?

— Международная тематика еще раньше нашла свое выражение на страницах романов о Невельском. Чрезвычайно интересна история начала развития отношений между Россией и Японией. Об этом существует прекрасная книга «Фрегат «Паллада» И. Гончарова, который был участником посольства Путятина в Японию.

Мне предстояло написать о втором путешествии Путятина. Я ездил в Японию, постарался побывать во всех мес-

Восходящего Солнца, им награждали японцев за выдающиеся заслуги перед родиной. Однажды этот орден вручили иностранцу, Путятину, за его деятельность по открытию страны. А в деревне Хэда существует музей «Советско-японской дружбы, памяти адмирала Путятина и начала японского кораблестроения западного образца». Моряки Путятина учили японцев в деревне Хэда строить «западные» корабли, об этом вспоминали сами японцы.

— Все ваши произведения, Николай Павлович, не только сугубо исторические, но и тесно связаны с современностью, имеют глубокий политический смысл.

— «Политическая заостренность» романов вполне понятна, ведь они показывают, что Дальний Восток был освоен трудом нашего народа, и что при этом русский трудовой народ был дружен с китайскому и японскому народам.

— В работе над историческими романами вы неизбежно обращаетесь к архивным материалам, но, видимо, большую роль играют и постоянные поездки на Дальний Восток, край вашей комсомольской юности.

— Я много работал в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда. Но поездки на Дальний Восток тоже нужны. Это не просто встречи с юностью, а сбор впечатлений для будущих книг. В последний раз мне довелось там быть в позапрошлом году. Занимался, если говорить языком театралов, как бы поиском «декораций» для спектакля. Я говорю о новом романе об основании Владивостока, который я должен написать.

Беседу вел
Вячеслав ОГРЫЗКО.